

С. С. Черников. Загадка золотого кургана. М., изд-во «Наука», 1965. Объем 9,84 п. л. Цена 57 коп.

Небольшая по объему, но интересная по содержанию книга С. С. Черникова занимает особое место среди весьма немногочисленных работ, посвященных казахстанским древностям скифо-сакского времени.

Интерес казахстанских читателей к ней объясняется в основном такими ее достоинствами: публикацией новых ценных предметов древнего сакского искусства, широтой использования источников, обобщением и научным анализом различных точек зрения по таким узловым вопросам, как походы северных кочевников в Переднюю Азию, происхождение «скифо-сибирского» звериного стиля, и, наконец, популярностью изложения. Причем последнее достоинство не сказалось отрицательно, как это нередко случается, на научной трактовке событий, фактов и выводов книги.

В первом разделе после небольших вводных заметок и краткой характеристики немногочисленных литературных сведений о памятниках Чиликтинской долины автор дает развернутую картину топографии могильника и раскопок пятого кургана. Публикуемые тут же план могильника, многочисленные разрезы кургана, его бревенчато-каменная погребальная камера, реконструкция могильного сооружения позволяют получить полное представление о характере памятника и размещении в нем археологических находок. Далее С. С. Черников подробнейшим образом описывает бронзовые наконечники стрел и 524 золотых предмета, извлеченных из кургана.

К сожалению, на нескольких иллюстрациях этого раздела отсутствует масштаб. Так, его нет на рисунке 2 (стр. 12), где помещен план центрального могильника Чиликтинской долины, на таблице бронзовых стрел (стр. 27, стр. 47) и других.

В описании также не указана ориентировка погребенных большого чиликтинского кургана, хотя сохранившиеся в анатомическом порядке две бедренные и берцовая кости северного скелета позволяли это сделать (стр. 21 и рис. 3).

Из-за относительно небольшой площади раскопа автору не удалось выявить полностью все конструктивные детали, связанные с дромосом и кольцом из крупных камней, опоясывавшим погребальное сооружение и где-то пересекавшим дромос (табл. II). Более полное вскрытие памятника дало бы возможность гораздо подробнее познакомиться с архитектурными и строительными особенностями чиликтинского комплекса.

Второй раздел монографии посвящен хронологической классификации материалов пятого кургана. Наконечники стрел, изображения оленей, орлов рассматриваются в нем в той же последовательности, в какой описывались в предыдущей главе.

Анализ, построенный на большом сопоставительном материале из разных памятников скифоидного типа евразийских степей, позволил автору убедительно датировать пятый чиликтинский курган VII—VI вв. до н. э.

В целом приемлемая датировка кургана имеет некоторый изъян в той части, где она обосновывается сравнением чиликтинских наконечников стрел с келермеским комплексом. Автор отмечает, что трехлопастных наконечников стрел с выступающей втулкой «скифо-мидо-персидского» происхождения, широко распространенных в Передней Азии, Скифии и Сарматии, в VII—VI вв. до н. э. «...в Запад-

ной Сибири и Казахстане нет совсем» (стр. 51). Немного ниже, сравнивая наборы стрел из Келермеса и Чиликты и говоря об отсутствии в своем кургане трехлопастных наконечников, С. С. Черников считает это достаточным для более ранней, чем Келермес, датировки пятого кургана рубежом VII—VI вв. до н. э.

Вызывает возражение и утверждение автора о полном отсутствии в Казахстане трехлопастных наконечников стрел с выступающей втулкой. Раскопки Бешатырского, Айдабульского¹ и центральноказахстанских курганов² дали более двух десятков таких наконечников. Среди этой серии встречаются наконечники с таким характерным «скифским» признаком, как шип на втулке. В то же время полученный материал говорит о сравнительно позднем проникновении в Казахстан этого типа наконечников. Казахские трехлопастные наконечники отличаются от собственно скифских малым размером. Кроме того, они сильно деформированы. Все известные здесь погребения с находками «скифских» наконечников относят к V—IV вв. до н. э.

Следовательно, отсутствие в чиликтинском наборе трехлопастных наконечников стрел не может быть критерием для датировки кургана рубежом VII—VI вв. до н. э. При современной изученности казахстанского материала вряд ли возможна такая точность в определении верхней границы коллекции из Чиликты.

Два последних раздела книги представляют собой историко-археологические очерки, посвященные проблеме происхождения звериного стиля, особенностям и роли кочевого скотоводства как определенного исторического явления в культурно-экономической жизни древнего общества. Попытка автора связать оба эти явления в одно целое и на их основе решать сложные историко-культурные вопросы, в частности вопрос о происхождении скифо-сибирского искусства, кажется нам очень перспективной.

Учитывая, что скифо-сибирский звериный стиль наиболее распространен на территории «великого пояса евразийских степей» и связан с новой системой хозяйства, С. С. Черников подробно, в социально-экономическом аспекте рассматривает особенности кочевого скотоводства. Далее он детально разбирает письменные источники VIII—VII вв. до н. э., в которых имеются описания далеких переселений киммерийских, скифских и сакских племен. Страницы, посвященные скифо-сакским походам в Переднюю Азию, читаются с особым интересом. Автору удалось собрать и в популярной форме изложить немногие дошедшие до нас сведения древних авторов о кочевых племенах, появившихся в начале VII в. до н. э. у границ могущественной ассирийской державы. Широко используя работы советских и зарубежных исследователей и самостоятельно истолковывая сведения письменных источников, С. С. Черников воссоздал едва ли не самую полную картину сложных и запутанных взаимоотношений между Ассирией, Мидией, Урарту и вторгшимися северными кочевниками.

Заслуживает самой серьезной поддержки развиваемый автором тезис о втором, южном пути движения казахстано-алтайских степных племен в Переднюю Азию через Среднюю Азию и южный берег Каспийского моря. Разумеется, что окончательное решение этого вопроса зависит от накопления археологического материала, которого на сегодняшний день явно мало.

В последнем, четвертом разделе книги автор делает попытку ответить на вопрос, поставленный в подзаголовке книги: «Когда и где зародилось «скифское искусство». В результате анализа большого материала он приходит к выводу, что «на рубеже VII—VI вв. до н. э. скифо-сибирский звериный стиль не только существовал, но и прошел уже довольно длительный путь развития» (стр. 130).

Таким образом, выступая по вопросу о происхождении скифо-сибирского искусства, С. С. Черников отстаивает гипотезу Д. Н. Эдингга, С. В. Киселева и других³, справедливо, на наш взгляд, критикуя широко распространенную в настоящее время точку зрения об иранских корнях звериного стиля (стр. 120—121 и след.).

Трудно, конечно, рассчитывать на то, что раскопки одного богатого кургана, даже при сопоставлении с известными скифскими коллекциями, смогут в настоящее время разрешить проблему происхождения скифо-сибирского искусства. Результаты работ казахстанских археологов над аналогичным, но более широким материалом лишней раз это доказывают. Поэтому прав автор, когда, рассматри-

¹ К. А. Акишев. Культура саков долины р. Или. См. в кн.: К. А. Акишев и Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963, стр. 117.

² М. К. Кадырбаев. Памятники тасмолинской культуры. См. в кн.: А. Х. Маргулан и др. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 353, рис. 46, 12, 15—19.

³ Д. Н. Эдингг. Резная скульптура Урала. М., 1940, стр. 87; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 250; см. также рецензии на кн. Д. Н. Эдингга. — КСИИМК, 1946, XII.

вая происхождение звериного стиля, в одном из заглавий пишет: «А вопрос остается все-таки неясным» (стр. 132). Тем более странно звучит многообещающий подзаголовок книги: «Где и когда зародилось «скифское искусство».

Сложность проблемы скифо-сибирского искусства, усугубляющаяся недостаточностью археологического материала, накладывает отпечаток и на содержание последнего раздела. Справедливо считая и в дальнейшем доказывая, что скифо-сибирская торевтика не только существовала на рубеже VII—VI вв. до н. э., но и прошла к этому времени длительный путь развития (стр. 130, и др.), автор в то же время допускает, что звериный стиль как неотъемлемая часть скифской культуры складывается только в начале VI в. до н. э., после походов в Переднюю Азию (стр. 114). Но как же в таком случае совместить время появления скифов в Передней Азии и время сложения или формирования скифской культуры на территории нашей страны?

Чем объяснить могущество этих «жадных и сильных северных варваров» (стр. 77), предводитель которых Партатуа даже запросил себе в жены дочь ассирийского царя (стр. 87), если скифская культура окончательно сложилась лишь в начале VI в. до н. э., спустя почти столетие после появления скифов на границах Ассирийской державы (стр. 85—87)? Достаточно ли было для установления 28-летнего господства в Передней Азии кочевым племенам Евразии иметь только «скифский вкус» (стр. 137) и отдельные, разрозненные элементы собственной культуры? Их военные успехи в борьбе с Ассирией и Урарту — свидетельство уже сложившейся сильной военной организации, собственных форм и видов вооружения и своеобразной тактики конного боя, а следовательно, и материальной культуры.

Существенным, но до конца не истолкованным еще отзвуком могущества скифо-сакских племен являются широко приводимые автором сведения письменных источников, в том числе и речь библейского пророка Иеремии (стр. 92—93). Однако подкрепить эти письменные сведения археологическим материалом оказывается пока невозможно.

Кроме недостаточности раннесакского материала, разрешение данной проблемы затрудняет еще наша нерешительность в определении нижней границы ранних памятников скифо-сакского времени.

Например, в Казахстане весь VII в. до н. э., за исключением его конца, и по крайней мере вторая половина VIII в. до н. э. остаются до сих пор «пустующим» историческим периодом. Наша боязнь углубить нижнюю границу раннесакских памятников привела к тому, что между памятниками дандыбай-бегазинского периода, давшими хорошие образцы предсакского, а может быть, и раннесакского вооружения⁴, и такими, как Карамурун (курган 5), Майэмир, Славянка, Уйгарак и другие, существует ничем не оправданный разрыв в сотни с лишним лет. Между тем, если учесть эволюцию бронзовых наконечников стрел начиная с андроновского времени, строительные традиции в памятниках IX—VIII вв. и VII—VI вв. до н. э., сходство части грубой лепной керамики того и другого периодов, то следует предположить, что середина VIII в. до н. э. была временем сложения раннесакской культуры, а предшествующий дандыбай-бегазинский этап поздней бронзы являлся предсакским периодом.

Особенностью всех работ С. С. Черникова является публикация обширных приложений⁵. В рецензируемой книге имеется интересная статья С. А. Семенова, тщательно проанализировавшего технологию ювелирного производства чиликтинских изделий. Разумеется, выводы С. А. Семенова в одинаковой мере применимы к технологии ювелирного искусства и других районов Казахстана. Как справочный материал очень полезен приводимый автором список пунктов находок втульчатых наконечников стрел трех видов.

Следует только отметить, что наконечник из Кииксу (стр. 185, 6) неправильно отнесен автором к ромбическим в сечении со скрытой втулкой. Несмотря на то, что он плохой сохранности, на нем отчетливо видна выступающая втулка и обычное для двуперых стрел сечение⁶. Датировка его началом VI в. до н. э. также не может быть принята, поскольку кииксуский наконечник — это пережиточная форма раннего типа двуперых втульчатых стрел⁶.

⁴ Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИИМК, 1950, XXXII, рис. 42, 2. Датировку памятника см.: М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, 1952, XVI; К. А. Акишев. Указ. работа, стр. 117, таблица, 2-я колонка, рис. 1—9.

⁵ С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 1960, 88, стр. 139—172.

⁶ Автора, вероятно, ввел в заблуждение слишком схематичный рисунок на стр. 166 (М. Кадырбаев. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. ТИИАЭ АН КазССР, т. 7, Алма-Ата, 1959). Более удачный рисунок помещен в той же статье на стр. 202, табл. II, левый в верхнем ряду.

Все сказанное, однако, не меняет правильной датировки автором ромбических стрел началом VI в. до н. э. Ее, например, подтверждает ромбический накопчик, найденный вместе с набором архаических стрел в Центральном Казахстане⁷.

Едва ли у кого вызовет сомнение научная и познавательная ценность книги С. С. Черникова. Наша наука получила в свое распоряжение новые веские сведения о памятнике раннескифского времени. Но не только этим ценна рецензируемая книга. Публикация чиликтинских материалов явилась для автора поводом широко поставить ряд коренных вопросов скифо-сакской археологии и искать новые пути их решения.

⁷ А. Х. Маргулан и др. Древняя культура племен Центрального Казахстана, стр. 377, рис. 58, правый в третьем ряду.

М. Кадырбаев